

АЛЕКСЕЙ
МАКАРКИН

Выйти на площадь и не будить Герцена: декабристы в современном кинематографе

Алексей Владимирович
Макаркин (р. 1971) –
первый вице-президент
Центра политических
технологий.

В советской исторической памяти декабристам везло: их официальное почитание как революционеров, «разбудивших Герцена», сочеталось с восхищением элегантными героями «Звезды пленительного счастья». Но в нынешней России отношение к ним изменилось, хотя обаяние образов все равно не исчезло полностью. Это нашло отражение в современном, 2019–2025 годов, кинематографе, для которого после долгого перерыва декабристская тематика вновь стала актуальной. Чтобы разобраться в этих процессах, нужно обратиться к позднесоветской и постсоветской истории.

ДЕКАБРИСТСКИЙ КОНСЕНСУС

Декабристы были частью не только революционной традиции, но и досоветской истории, интерес к которой возрастал в позднесоветские годы. По словам Михаила Рожанского, культ декабристов в СССР – один «из самых ярких примеров подпитки советской идеологии ценностями русской “высокой классики”», когда «пионеры, выросшие в малометражных хрущевках и коммуналках (во всяком случае “книжные” мальчики и девочки), числили себя наследниками великосветских офицеров, соединивших обаяние элитарной культуры с романтикой революции»¹.

Фильм «Звезда пленительного счастья» (1975) стал культовым – в отличие, скажем, от картины «Софья Перовская» (1967), режиссер которой Лео Арнштам искренне стремился отойти от клише в изображении как народовольцев, так и убитого ими государя. О декабристах не было написано ничего, подобного «Нетерпению» (1973): в той же серии «Пламенные революционеры», в которой появилась книга Юрия Трифонова, вышли «Апостол Сергей» (1975) и «Большой Жанно» (1982) Натана Эйдельмана с выведенными в них запоминающимися обаятель-

1 Рожанский М.Я. *Сибирь как пространство памяти*. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 116.

ными образами Ивана Пущина и Сергея Муравьева-Апостола. И, хотя в «Апостоле Сергее» присутствует тревожная вставная глава «Фантастический 1826-й» с призраками «новой Вандеи, нового террора, нового Бонапарта», готовыми вновь воплотиться, если декабристы победят, там также видно рациональное понимание, что даже при таком сценарии восстановить крепостное право не удалось бы, да и введение конституции в любом случае обрело бы немалое историческое значение. «Разве можно совсем разогнать кортесы, парламент?» – риторически вопрошал Эйдельман, апеллируя к испанскому опыту, где революцию довольно быстро сменила реакция². (В Испании, несмотря на то, что король Фердинанд снова стал самодержцем, уже при его дочери восстановили Конституцию.)

Историк Лев Лурье пишет:

«Это был благородный миф – возможно, центральный для советской оппозиции. Декабристы – интеллигентские герои-панфиловцы. Существование декабристов в учебниках позволяло вести разговор про то, что можно любить Россию, но не любить начальство. В обществе, где не было Евангелия, где историю Христа узнавали из “Мастера и Маргариты”, примеры гражданской доблести можно было черпать только в каких-то доступных и разрешенных источниках. Естественно, о стойкости говорили не на примере троцкистов или диссидентов, а на примере декабристов»³.

«Официально поощряемый и неформально любимый» образ декабристов был актуален и для национально-патриотического сегмента советского общества. Культовая книга российских почвенников – роман-эссе Владимира Чивилихина «Память» (1981–1984; ранее главы печатались в «Нашем современнике», фрагмент об участниках восстания появился там в 1978-м) – содержит подробное описание судьбы декабристов, сосланных в Сибирь, среди которых был и предок жены писателя Николай Мозгалеvский. Но позитив Чивилихина в отношении декабристов выходит далеко за рамки семейной и региональной истории:

«Услышишь – “декабристы”, – и, откуда ни возьмись, вспыхивают в памяти крутые события, дорогие имена, неповторимые характеры и горькие судьбы, благие дела и святые письма, в душе затеплится что-то настолько родное и совершенно неотрывное от тебя, что без этого ты был бы совсем другим человеком – беднее и черствее, а твое восприятие и знание жизни, людей, истории Отечества лишилось бы драгоценной сердцевины»⁴.

2 Эйдельман Н. Я. *Апостол Сергей*. М.: Политиздат, 1988. С. 246.

3 *Невредное кино: чем история декабристов поможет российскому обществу* // РБК. 2020. 24 января (www.rbc.ru/spb_sz/24/01/2020/5e2ab3e39a79476fbfafa399).

4 Чивилихин В. А. *Память. Роман-эссе*. Фрунзе: Мектеп, 1986. С. 40–41.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

«Связь времен» (1980) Федора Нестерова – яркий пример позднесоветской патриотической литературы, отличавшейся выраженным антизападничеством и акцентировавшей внимание на связи между русофобией (этот термин появляется уже во введении к книге) и антисоветизмом⁵. Если интерес Чивилихина к декабристам можно объяснить родовой традицией и распространенным в брежневские годы увлечением семейными корнями, то у Нестерова этого нет. Но и он, не слишком органично стремясь соединить революционный пафос и русскую национальную идею, одобрительно писал о декабристах как о «закалившихся в огне Отечественной войны 1812 года» преемниках российских воинских доблестей⁶. «Вглядимся в эти дорогие лица, прежде чем на них наденут колпаки. Они спокойны, как спокойна их совесть. Свой долг они выполнили как могли», – восхищался Нестеров пятью казненными декабристами⁷.

Один из ведущих писателей-почвенников Валентин Распутин в своей книге о Сибири, впервые опубликованной в 1991 году, «регионализировал» декабристов, обращая внимание на их цивилизаторскую роль, в том числе для Иркутска – восточно-сибирской столицы. Подобный подход свойственен сибирским авторам вне зависимости от их идеологических взглядов – но интересно, что почвенники не составляли исключения.

«Декабристы и ссыльные поляки оказали огромное влияние на наш город в его общественном и нравственном развитии, словно не они, считавшиеся преступниками, а местное общество отдано было им на исправление и воспитание, вплоть до того, что декабристы преподавали в доме самого генерал-губернатора»⁸.

Таким образом, в позднюю советскую эпоху сложился своеобразный «декабристский консенсус», простиравшийся от либералов до национал-патриотов, включая и официоз. Благостную картину портили лишь несколько «тучек», которые, впрочем, оставались малозаметными. Таких, например, как убийство составшими героя суворовских походов и наполеоновских войн Михаила Милорадовича, причем его убийца никаких военных заслуг вообще не имел, или же поведение декабристов на следствии, сильно отличавшееся от героических образцов, задаваемых советскими нарративами. Как правило, эти темы в позднесоветской литературе «затушевывались», а внимание читателя переключалось на произвол царизма.

5 НЕСТЕРОВ Ф. Ф. *Связь времен: опыт исторической публицистики*. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 6–7.

6 Там же. С. 158.

7 Там же. С. 160.

8 РАСПУТИН В. Г. *Сибирь, Сибирь...* // Он же. *Собрание сочинений: В 3 т.* М.: Молодая гвардия; Вече, 1994. Т. 3. С. 143–144.

Однако постепенно и подспудно это странноватое согласие подтачивалось, что вполне четко просматривалось в неподцензурной литературе. «Петербургский романс» (1968) Александра Галича с вопросом «Можешь выйти на площадь, / Смеешь выйти на площадь / В тот назначенный час?!» стал знаковым произведением для диссидентского движения, участникам которого льстило сравнение себя с декабристами. Для диссидентов была актуальной и изображаемая Галичем нравственная трагедия увенчанного наградами полковника, который не поддержал «щелячий табор» юных офицеров, вышедших на Сенатскую площадь. Его история напоминала о размежевании в рядах «шестидесятников», особенно ярко проявившемся после разгрома Пражской весны, когда к инакомыслящим присоединилось лишь меньшинство из них. Кроме того, она подчеркивала правильность именно диссидентского выбора, проявившегося в демарше, который состоялся на Красной площади летом того же года, когда был написан «Романс».

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

В позднюю советскую эпоху сложился своеобразный } «декабристский консенсус», простиравшийся } от либералов до национал-патриотов, включая } и официоз.

Но вот проходит всего год, и в 1969-м появляется ироничная баллада «Памяти Герцена» Наума Коржавина. С одной стороны, образ декабристов в ней предельно заземлен («Любовь к Добру разбередила сердце им, / А Герцен спал, не ведая про зло... / Но декабристы разбудили Герцена. / Он недоспал. Отсюда все пошло»). С другой стороны, в стихотворных строках саркастически воспроизводится советская схема эволюционирования революционного движения от декабристов до Ленина, но с обратным знаком: «Все обойтись могло с течением времени. / В порядок мог втянуться русский быт». И – горестное заключение: «Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!.. / Нельзя в России никого будить».

У Александра Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» (впервые опубликован в 1973 году в Париже) декабристы тоже дегероизированы – здесь рассказано о том, что Рылеев в своих показаниях был избыточно откровенен, что Пестель просто «раскололся», что в большинстве своем восставшие на следствии «держались бездарно, запутывали друг друга, многие униженно просили о прощении», причем безо всяких пыток⁹. В интерпретации Солженицына николаевская Россия на фоне

⁹ Солженицын А. И. *Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт исторического исследования*. М.: Советский писатель; Новый мир, 1989. Т. 1. С. 133.

советской системы выглядела почти идиллически: с добросовестным следствием (фальсификаций и впрямь не было), отказом осудить «знавших о приготовлении мятежа, но не донесших» (за это, впрочем, все же был осужден Михаил Пущин), помилованием вовлеченных в мятеж солдат (на самом деле часть прошла через шпицрутены), отсутствием репрессий в отношении родственников осужденных (действительно, Николаю не пришла в голову идея коллективной ответственности).

РАСПАД КОНСЕНСУСА

Консенсус сломался в конце 1980-х, когда цензурные ограничения были ослаблены, а затем и вовсе сняты. Официальная точка зрения, восходящая к Ленину, все более дискредитировалась. Парадоксальным образом для либерального и национал-патриотического сообществ при всех их различиях и противоречиях объединяющей стала антиреволюционность, хотя и понимаемая по-разному. Либералы противопоставляли революции реформы, отождествляя себя с реформаторской традицией в российской истории: Михаил Сперанский и последующие преобразователи были им явно ближе не только Пестеля, но и Никиты Муравьева. В их глазах декабристы попадали в число революционеров, прервавших нормальный эволюционный путь страны и, в конечном счете, приведших к российской трагедии XX века.

Впрочем, одновременно была предпринята и знаковая попытка встроить декабризм именно в реформаторскую традицию – речь идет о вышедшем в 1989 году втором, «переработанном и дополненном», издании книги Якова Гордина «События и люди 14 декабря», которое получило название «Мятеж реформаторов». В первом издании, вышедшем четырьмя годами ранее, едва ли можно было оценить декабристов как политиков-реформистов, обладавших предвидением «катастрофы, к которой ведет страну самодержавие». Теперь же Гордин писал:

«Они провидели возрастание социального антагонизма и новую пугачевщину. Они хотели свободы и справедливости для крестьян, но не гражданской войны. Многие из них изначально не хотели кровавых катаклизмов. Они хотели реформ. Взяться за оружие их заставило нежелание и неумение правительства начать необходимые реформы – освободить рабов, раскрепостить экономику, упорядочить финансы, установить соблюдение законности, поставить исполнительную власть под контроль представительных учреждений. [...] Правительственная установка на ложную стабильность и деспотический нажим превратили реформаторов в революционеров. Лояльных, но трезвомыслящих подданных – в мятежников»¹⁰.

10 Гордин Я.А. *Мятеж реформаторов*. Л.: Лениздат, 1989. С. 15.

Гордин уделял особое внимание фигурам реформаторски мыслящих декабристов, которые 14 декабря находились в Петербурге, но по разным причинам на площадь не вышли – Сергея Трубецкого, Гавриила Батенькова, Владимира Штейнгейля.

Однако представление о декабристах как о реформаторах не укоренилось. Гордин сам выделял в их рядах и другое течение – «делавшее ставку на вооруженный переворот, насильственный захват власти как необходимое и единственное условие для проведения реформ»¹¹, что было несовместимо с реформаторской традицией. Пестель с его проектом создания полицейского государства вытеснил реформаторов, пытавшихся оставаться «лояльными подданными». Коллизия усугублялась тем, что снятие цензурных барьеров позволило сделать предметом исторических изысканий запретные ранее темы: коррупционные схемы с участием Пестеля (пусть даже направленные не на личное обогащение, а на революционные цели), буйное поведение во время революционного брожения солдат Черниговского полка и так далее. Новаторскими работами, в которых были подняты эти вопросы, стали монографии историка Оксаны Киянской¹².

Национал-патриоты выдвигали иную дихотомию, в которой государственничество противопоставлялось антигосударственности. У них декабристы выступали в качестве разрушителей страны, а отпор им дали такие безусловные государственники, как Николай I, Александр Бенкендорф, Александр Чернышев. Подспорьем для национал-патриотов послужила дореволюционная и эмигрантская антимасонская литература, активно переиздававшаяся в 1990-х, – в ней декабризм изображался частью глобального масонского заговора. Уже в 1992 году в России вышла «История русского масонства» Бориса Башилова (псевдоним Бориса Юркевича, бывшего советского журналиста, коллаборациониста, а затем эмигранта второй волны, обосновавшегося в Аргентине и печатавшего свои книги в собственном издательстве). В 1997-м была перепечатана книга «Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней» Василия Иванова, бывшего деятеля белого движения на востоке России, ставшего в китайской эмиграции руководителем шанхайского отделения Русской фашистской организации. А в 2000-м увидело свет переиздание еще одной дореволюционной книги антимасонского толка: написанной умершей накануне февральской революции графиней Софьей Толь работы «Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов».

11 Там же. С. 16.

12 Киянская О.И. *Южный бунт: восстание Черниговского пехотного полка*. М.: РГГУ, 1997; Она же. *Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик*. М.: Параллели, 2002.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

Маргинальная и для русской общественной мысли, и для русской эмиграции литература стала популярной в постсоветской России, фрустрирующей по поводу распада прежней страны, – все упомянутые книги в XXI веке были вновь переизданы. Для Башилова «декабристское восстание – это, по существу, восстание масонов», которые преследовали две цели: «подорвать Православие – основу духовной самобытности русского народа и источник его духовной силы – и подорвать окончательно Самодержавие – источник физической силы русского народа». При этом, обосновывая свои тезисы, автор ссылался на «Масонское действо», авторство которого приписывал не графине, а графу (!) Толю¹³:

«Масонское действо, известное в истории освободительного движения под наименованием “восстания декабристов”, кончилось. [...] Насколько благородно и мужественно держался Император, настолько низко и подло вели себя заговорщики»¹⁴.

Интересно, что сама Толь в 1914 году признавалась: «Влияние масонства на событие 14 декабря я документально доказать не смогла, но надеюсь, что доказала это логически», ибо документы на этот счет, «несомненно, существуют», но скрыты в зарубежных масонских архивах¹⁵. Стоит отметить, что подобный подход к доказательной базе присущ не только антимасонской, но и конспирологической литературе в целом.

Историк Павел Ильин обратил внимание на следующее:

«С начала 1990-х негативистская тенденция в тематике декабристоведения заявила о себе в полный голос, опираясь на еще дореволюционную охранительную традицию, постулирующую практически полное неприятие правомочности для русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику – традицию, берущую свое начало от официальной идеологии самодержавной власти, современной декабристам»¹⁶.

Впрочем, если основные источники официальной царской версии декабризма («Донесение Следственной комиссии по делу декабристов и «Историческое описание 14-го декабря и предшедших ему событий» Модеста Корфа) были составлены в период, когда самодержавие чувствовало себя уверенно, то эмигрантская публицистика с ее теориями заговора была куда более созвучна настроениям читателей 1990-х. Как крайне

13 Башилов (Юркевич) Б.П. *История русского масонства*. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. С. 182.

14 Иванов В.Ф. *Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней*. М., 1997. С. 303.

15 Толь С.Д. *Масонское действо // Она же. Ночные братья*. М., 2000. С. 181.

16 Ильин П.В. *Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2(22). С. 152.

правые эмигранты, так и недавние лояльные советские граждане потеряли почву под ногами и искали виновных в своих бедах не только в современности, но и в истории. Национал-патриотическая версия декабризма стала восприниматься и более широкими кругами государственников.

Одним из проявлений такой тенденции стал опубликованный в 2001 году в одном из крупнейших в то время издательств «Терра» двухтомник Владимира Крутова и Лидии Швецово-Крутовой, в котором разоблачалась советская «лживая легенда» о декабристах¹⁷. Для авторов декабристы – масоны и бунтовщики, предшественники большевиков, которые «весь XX век держали народ впроголодь, в очередях и нищете»¹⁸. Пребывание же некоторых декабристов на сибирской каторге было несопоставимо по тяжести с «работой на лесоповале или в шахтах в 30–50-х годах XX века»¹⁹. Зато Николай I представал в качестве «государя, обладавшего личным мужеством и таинственным ореолом Власти»²⁰. Никаких достоинств у декабристов авторы вообще не находили, что придавало книге памфлетный характер. Но, как бы то ни было, подобная аргументация могла восприниматься самыми разными аудиториями – как либеральной, так и государственнической.

Интересно, что для Киянской появление такого рода интерпретаций было полностью неприемлемо. В рецензии на книгу Крутова и Швецово-Крутовой она возмущается «не только тенденциозностью и некомпетентностью», но и тем, что авторы видели в ней свою единомышленницу: «Отмечу, что при таких союзниках врагов уже и не надо»²¹.

ПЕРЕМЫНЫ В XXI ВЕКЕ

В XXI веке либералы начинают воспринимать декабристов более благожелательно, обращая ради этого к своего рода сортировке: если Пестель, да и Рылеев, оставались для них неприемлемыми, то в декабризме в целом – вполне в русле нарратива, предложенного Гординым, – выделяется реформаторское крыло, которое встраивается в историю российского либерализма и включается в символический «либеральный пантеон». В вышедшем в 2007 году под редакцией Алексея Кара-Мурзы обширном сборнике политических портретов русских либера-

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

17 Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В. *Белые пятна красного цвета: декабристы*. М.: Терра, 2001. Кн. 2. С. 268.

18 Там же. С. 32.

19 Там же. С. 57.

20 Там же. С. 274.

21 Киянская О. А. *Декабристский заговор раскрыт* // Независимая газета. 2002. 21 февраля (www.ng.ru/ng_exlibris/2002-02-21/4_zagovor.html).

лов представлены биографии Николая Тургенева, Никиты Муравьева, Михаила Лунина, Михаила Фонвизина, Ивана Якушкина. Причем в книге они соседствуют с жизнеописаниями таких «либеральных государственников», как Михаил Сперанский, Борис Чичерин, Дмитрий и Николай Милютины, великий князь Константин Николаевич и даже Михаил Катков (который в молодости был либералом-западником)²².

Протестное движение 2011–2012 годов и последующий разлад во взаимоотношениях власти и либералов способствовали укреплению симпатий либерального сообщества к тем, кто вышел на площадь в 1825 году, борясь за свободу против тогдашнего деспотического государства. Если в 1990-е большинство либералов отождествляли себя с государством («новой Россией») – и этот подход для части из них оставался актуальным и в 2000-е, – то во втором десятилетии XXI века ситуация принципиально изменилась: государство сделалось «чужим», и потому либералы стали возвращаться к диссидентской трактовке декабризма, предложенной Галичем. Участники протестов на Болотной площади и проспекте Сахарова психологически сближали себя с декабристами.

Для государственников же декабристы оставались чуждыми фигурами, и московские протесты только усилили эту тенденцию. В этой среде восставших в 1825-м продолжали воспринимать как разрушителей государства, покусившихся на законного монарха и стремившихся спровоцировать гражданскую войну. К основному обвинению добавлялись и другие: в частности, в гибели обманутых солдат, а также в лицемерии, якобы выражавшемся в отказе освободить собственных крепостных. (Полезно пояснить, что большинство декабристов таковых попросту не имели из-за молодости или бедности.)

Тема лицемерия оказалась эмоционально заряженной, так как контрастировала с благородным образом борцов за свободу. В частности, в интернете получила хождение апокрифическая речь Бенкендорфа, якобы произнесенная перед первым допросом декабристов. В ней шеф III отделения, обращаясь к обвиняемым, уличал их в том, что они не дали свободы собственным крепостным. При этом в качестве противоположного примера он якобы предлагал себя, отпустившего на волю своих крестьян на выгодных условиях. Речь завершается в тоне, более приличествующем тюремному надзирателю, чем боевому генералу:

«Я не выхожу на площадь с безумными заявлениями или протестами против Государя или, тем более, против Империи!.. Так как вы ничем не можете доказать, что дело сие – политическое, судить

22 *Российский либерализм: идеи и люди* / Под общ. ред. А.А. КАРА-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007.

мы вас будем как бунтовщиков и предателей Отечества, навроде Емельки Пугачева. А теперь – всех по камерам! В одном этапе с уголовными пойдете, сволочи!»²³

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

Если принять сказанное на веру, то получается, что Бенкендорф еще и лгал, ибо своих крестьян он не освобождал.

Участники протестов на Болотной площади и проспекте Сахарова психологически сближали себя с декабристами.

Вероятно, к цитируемому тексту имеет отношение Александр Башкуев – «астролог, писатель, специалист по сетевой безопасности»²⁴, автор опубликованной в интернете книги «Призвание варяга (*von Benckendorff*)». Непосредственно этой речи в книге нет – она появилась на сайте «Глобальная авантюра» в 2008 году, уже после публикации, – но зато есть вещи еще более фантастические. Так, согласно автору, Бенкендорф в конце 1812 года руководил массовыми казнями коллаборационистов в Москве, причем «всего предстояло исполнить более восьми тысяч казней, из них – до трех тысяч в отношении женщин»²⁵. (В реальности немногочисленные коллаборационисты были амнистированы.) Пестель же, как выясняется, «своими руками убивал иных заговорщиков, в чем-либо несогласных с его личным мнением»²⁶. Но если мрачные авторские фантазии не привлекли широкого внимания, возможно, из-за их явной нелепости, то подметная «речь» главного жандарма России оказалась публике более убедительной.

ФИЛЬМ «СОЮЗ СПАСЕНИЯ»: ДОГОВАРИВАТЬСЯ НАДО

Именно на таком фоне в 2019 году на экраны вышел фильм «Союз спасения», одним из продюсеров которого стал гендиректор Первого канала Константин Эрнст. Несмотря на активную рекламу и крайне выгодное время показа (новогодние каникулы), фильм в прокате не окупился. Его бюджет составил 980 миллионов рублей (500 миллионов были выделены государственным Фондом кино, причем 400 миллионов – в виде

²³ Цит. по: <https://istlyap.ru/v-1816-1818-gg-benkendorf-osvobodil-svoih-krepostnyh/>.

²⁴ См.: www.livelib.ru/author/867602-aleksandr-bashkuev.

²⁵ БАШКУЕВ А.Э. *Призвание варяга (von Benckendorff)*. С. 324 (<https://litlife.club/books/154724/read?page=215>).

²⁶ Там же. С. 244 (<https://litlife.club/books/154724/read?page=244>).

безвозвратной субсидии), а собрать удалось всего 719 миллионов²⁷. (Критерием окупаемости в кинематографе является двойное превышение доходов над бюджетом, так как около половины сборов оставляют себе кинотеатры²⁸.) Исторический фильм о далеком прошлом, не вызывающем сильных эмоций у советских поколений, со множеством героев, неизвестных российской молодежи (профильной аудитории для каникулярного времени), и к тому же с отсутствующей «сквозной» любовной линией, не привлек зрителя.

Научным консультантом фильма выступила Оксана Киянская. Впрочем, ее консультирование ограничилось длительными беседами с другим продюсером, Анатолием Максимовым, и автором сценария Никитой Высоцким; к самой подготовке сценария и тем более к съемкам фильма Киянская отношения не имела²⁹. Фильм вызвал активную полемику, которая хорошо вписывается в контекст общественных процессов, идущих в России во втором десятилетии XXI века и характеризующихся разладом между властью и либералами. После протестов 2011–2012 годов в России вышла целая серия «антиреволюционных» фильмов – среди них телесериалы «Бесы» (2014), а также «Троцкий» и «Демон революции», приуроченные к столетию революции 1917 года. В тот же ряд, на первый взгляд, вписывался и «Союз спасения» – тем более, что в нем присутствовали и мужественный государственный Николай, и отнюдь не безукоризненные декабристы. Но у этой картины были существенные особенности: в ней признавались, во-первых, значимость диалога между государством и недовольными и, во-вторых, ответственность не только бунтовщиков, но и правительства за пролитую кровь. Характерно также и отсутствие в фильме антимасонского нарратива.

Самой Киянской фильм пришелся по душе; по ее словам, «либеральные критики априори уверены, что ничего другого, кроме осмеивания тех, кто выходит сражаться против власти, Первый канал выдать зрителю не может», хотя лично она знает «многих либерально настроенных людей, даже принимавших участие в разного рода протестах и вообще несогласных, которым фильм очень понравился»³⁰. По мнению Льва Лурье, «сегодняшний зритель крайне политически поляризован, что лишний раз показала дискуссия вокруг “Союза спасения”».

27 См.: <https://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/111022019>.

28 См.: Стогова Е. В 2022 году в прокате окупился лишь один поддержанный Фондом кино фильм // РБК. 2023. 10 февраля (www.rbc.ru/technology_and_media/10/02/2023/63e38a649a7947a68eb0b59d).

29 История на миллион критических замечаний. Интервью с консультантом фильма «Союз спасения» (https://pitchingi.ru/intervyu_s_konsultantom_filma_soyuz_spaseniya).

30 Когда приходит новое поколение, оно переписывает историю. Интервью с научным консультантом фильма «Союз спасения», профессором РГГУ Оксаной Киянской (www.rsu.ru/student/news/kogda-prikhodit-novoe-pokolenie-ono-perepisyvaet-istoriyu/).

Кроме того, полагает он, в фильме присутствует «вопрос о том, могут ли разные части общества договориться», а также имеется главная идея: «Чтобы не пролить кровь, сядьте за стол переговоров»³¹. Историк Сергей Рудник отмечал:

«Желание создателей фильма – “примирить” декабристов и власть. Показать, что любые попытки совершить революцию всегда приводят к кровопролитию. Трагедия в том, что образованные люди – представители власти и общества – не поняли и не хотели понять друг друга»³².

Остановимся на некоторых особенностях картины. Одна из ее идей – ответственность власти за случившееся 14 декабря. Если бы Александр не просто холодно простил восторженно-молодого офицера Муравьева-Апостола, явившегося на победный смотр в Париже в 1814 году с ящиком шампанского, а проявил бы побольше эмпатии, выпив с ним бокал – то есть, говоря языком Макса Вебера, исходил бы не из традиционной, а из харизматической легитимности, – то все, возможно, и обошлось бы. Но Александр не Наполеон, для него важна именно традиционная легитимность, подразумевающая дистанцию между государем и подданными, – и потому в ключевой момент он проезжает мимо.

Муравьев-Апостол помогает прекратить восстание Семеновского полка, но в результате его, как и других офицеров, царь изгоняет из гвардии и отправляет в армию без права на отпуск или уход в отставку. Отвечая на вопрос, по какому праву принято такое решение, великий князь Николай говорит: «Высочайшая воля и есть закон. Примите вашу судьбу с честью». «Воля моя и есть закон», – позже говорит сам Александр младшему брату, объясняя, почему именно тот, а не Константин, станет его преемником.

«Между законной властью и самозванцами, которые возомнили себя спасителями отечества, разница есть», – говорит Николай в начале фильма, допрашивая арестованного лидера восстания Черниговского полка. «Нет разницы», – отвечает ему Муравьев-Апостол и затем конкретизирует: «И у вас, и у нас цель правая, а способы преступные». На несостоявшийся диалог прямо указывает миниполемика между царем и арестованным Трубецким. «Я целью жизни своей полагал поставить власть российскую перед своими подданными и заставить разговаривать. Только вы не пожелали нас слушать», – говорит второй. Но первый отвергает эту логику: «Если государя мож-

31 *Невредное кино...*

32 Глезеров С. *Романтики и обманщики. Мнение историка о фильме «Союз спасения»* // Санкт-Петербургские ведомости. 2020. 16 января (<https://spbvedomosti.ru/news/culture/romantiki-i-obmanshchiki-mnenie-istorika-o-filme-soyuz-spaseniya/>).

но силой принудить, какой он государь». И, разумеется, никакое взаимодействие теперь невозможно, даже если до восстания Николай и не исключал его.

Кажется, впервые в кинематографе была поднята тема и еще одного диалога – между декабристами и либеральными сановниками. Либерал Николай Мордвинов, догадывающийся о заговоре (в реальности декабристы рассматривали его в качестве одного из будущих членов правительства), сообщает Рылееву, что Николай вот-вот объявит себя в Сенате императором. Он призывает Рылеева действовать сообща, но не против Николая, а в поддержку его – вопреки Милорадовичу и другим генералам, не желающим допускать Николая к власти. Мордвинов верует не в монархию, а в закон – основу, на которой «можно все построить» (ведь Николай все-таки законный монарх). Кондратий Рылеев же делает из полученной от Мордвинова информации совершенно иные выводы – и начинает восстание. Получается, что либерал-«николаевец» невольно провоцирует декабристов на выступление, в ходе которого ему достается лишь роль наблюдателя. «Там люди умирают, русские убивают русских, дальше только война», – бессильно говорит Мордвинов Трубецкому. И взывает к Николаю, который исходит из того, что жестокость простят, а слабость нет. И будущий государь, в отличие от Трубецкого, даже прислушивается к нему, давая восставшим уйти с площади – но те отказываются. Уже после разгрома восстания Мордвинов упрекает Рылеева в том, что тот пожертвовал жизнью офицеров и солдат, обрек на страдания свою семью, но Рылеев видит себя героем и обещает не выдавать Мордвинова, дабы не сделать и его таковым. Либерал и радикал расходятся как чужие, не понимающими друг друга люди.

Впрочем, образ Николая в фильме в полной мере соответствует государственническому тренду. Государь храбр, он не по воле случая сталкивается с восставшими лейб-гренадерами, а сам едет им навстречу, полагаясь на то, что они будут верны ему. Когда же выясняется обратное, в глазах Николая нет страха (который, заметим, присутствует в аналогичной сцене в «Звезде пленительного счастья»). Николай прямодушен, тогда как генерал-губернатор Милорадович и несостоявшийся диктатор Трубецкой погрязают в интригах. Первый гибнет, а второй, попробовавший в день восстания манипулировать Николаем (это вымысел сценариста: нечто отдаленно похожее пытался делать Александр Якубович), так и не появляется на площади. «Полилась кровушка», – произносит умирающий Милорадович; и тем же вечером гибнут солдаты, выведенные декабристами на площадь. Николай гуманен – он долго пытается избежать кровопролития, а когда восставшие оказываются

ся на замерзшей Неве и пытаются атаковать Петропавловскую крепость, приказывает стрелять не по ним, а по льду.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

СЕРИАЛ «СОЮЗ СПАСЕНИЯ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ В ИЗМЕНИВШЕЙСЯ СТРАНЕ

Вскоре после выхода на экраны «Союза спасения» начались съемки восьмисерийного сериала «Союз спасения: время гнева», в котором многие темы фильма были представлены в развернутом виде. Пока сериал снимался (он появился на стриминговом сервисе «KION» в сентябре 2022 года, а на Первом канале – в феврале 2024-го), в России произошли перемены, сделавшие диалог власти и либералов абсолютно неактуальным. Тем не менее этот кинематографический продукт все равно весьма интересен с точки зрения не столько истории, сколько недавних общественных тенденций.

В сериале существенно расширена любовная линия Муравьева-Апостола и фрейлины императрицы Анны Бельской (вымышленный персонаж); при этом следует иметь в виду, что романтический герой не может быть «плохим» по определению. На экране появляется и Екатерина Трубецкая – героиня некрасовских «Русских женщин» и «Звезды пленительного счастья», – с которой связан еще один любовный сюжет, на сей раз реальный и хорошо знакомый зрителям советских поколений. Впрочем, лиричная история Муравьева-Апостола уравнивается представлением идиллической семейной жизни тяжело раненного офицерами-декабристами полкового командира Гебеля, которая в последней серии грубо нарушается ворвавшимися в дом буйными черниговцами, вышедшими из повиновения своему командиру-смутьяну.

Муравьев-Апостол принимает на себя роль защитника бунтующих крестьян-недоимщиков: он предотвращает их расстрел, освобождая не только от наказания, но и от уплаты долга. (Деньги он вносит сам – двухсотрублевый платеж, для крестьянского общества непомерный, декабристу вполне по плечу.) Но при этом офицер становится самозванцем, выдав себя за посланца генерал-губернатора – и поэтому местный священник, поначалу одобрявший его поступок, напоминает ему, что душа в подобных ситуациях должна быть чиста от греховных помыслов. Идиллия заканчивается: две логики сталкиваются друг с другом. С одной стороны, священник не верит в праведность собеседника, поскольку нет безгрешных людей, не желающих зла другим и не подверженных гневу. С другой стороны, Муравьев-Апостол считает, что его помыслы чисты, а гнев праведен; однако для церкви гневливость остается одним из смертных грехов. В со-

временном российском дискурсе батюшка, говорящий от имени церкви, служит символом мудрости – более того, он противопоставляется самоуверенному офицеру. На практике же сельский священник, которого в ходе бунта самого могли убить или искалечить, вряд ли стал бы вступать в спор с подполковником.

В сериале появляются также Алексей Аракчеев и Михаил Сперанский. Аракчеев строг, бесцеремонен, дурно воспитан, упивается своей властью, но при этом эффективен (в отличие от либерального князя Петра Волконского, просмотревшего подстроенную заговорщиками полуторамиллионную растрату в армии и поплатившегося за это должностью) и радует о благе государя и государства. Сперанский – еще один, наряду с Мордвиновым, потенциальный член будущего декабристского правительства; он умен и понимает необходимость превентивных и скорых реформ. В противовес Аракчееву он гуманен и обходителен, помогает с карьерой сторонникам перемен – тому же Рылееву, а также еще одному будущему декабристу, Батенькову. Обсуждая с ними отставку Волконского, он дает понять, что недоволен политикой властей – и тем самым невольно подталкивает заговорщиков к дальнейшим действиям. Батеньков же, маневрируя между двумя своими высокопоставленными покровителями, Сперанским и Аракчеевым, мечтает о собственном премьерстве, чтобы воплотить продуманную им преобразовательскую программу. (В реальности он претендовал не на кресло премьер-министра, а всего лишь на «рядовой» министерский пост.) Но возглавить кабинет подполковник Батеньков может только в результате революции.

Между тем император начинает очередную осторожную либерализацию, поручая Сперанскому в годичный срок подготовить проект освобождения крестьян. Таких проектов было тогда немало: один из них, причем далеко не самый консервативный, принадлежал Аракчееву, исправно выполнившему соответствующее царское поручение. Тем не менее царь ничего из представленного не одобрил – политика Александра становилась все более реакционной. У зрителя, однако, создается впечатление, что декабристы организовали заговор против царя-реформатора, который почти был готов реализовать их программу. Кроме того, напрашивается и аналогия с убийством народовольцами Александра II, незадолго до гибели одоббившего реформаторскую инициативу Михаила Лорис-Меликова.

В междоусобице Николай призывает к себе Сперанского и пытается заручиться его поддержкой. Сперанский соглашается, а Николай взамен гарантирует ему сохранение статуса и сулит возможность, как он выражается, «содействовать моему превращению в европейца» (без упоминания, впрочем, конкретных реформ). Таким образом, в сериале вокруг Николая

объединяются либеральные реформаторы – не только Мордвинов, но и Сперанский. При этом Сперанский сообщает Батенькову о предстоящей присяге в Сенате – подобно тому, как Мордвинов проинформировал об этом Рылеева.

Батеньков и Сперанский встретятся в фильме еще дважды. В первый раз это произойдет в Сенате утром 14 декабря, когда выясняется, что сенаторы уже присягнули, а Сперанский остался лояльным Николаю. «Как вы изменились, Михаил Михайлович!» – восклицает Батеньков. «Я всегда делаю все возможное и полезное, а не бессмысленное и нелепое», – парирует Сперанский, обособляя себя от революционеров; однако, осознав, что Батеньков – тоже заговорщик, советует ему покинуть Петербург. Аракчеев на его месте распорядился бы об аресте. Во второй раз герои встречаются спустя несколько дней, когда Сперанский, сделавший, как выяснилось, правильную ставку, обедает с Батеньковым, ожидающим ареста и находящимся на грани срыва. «В том, что случилось, моей вины нет», – говорит Сперанский. «Наша вина в том, что служили нелюдям, помогали им быть людьми», – отвечает Батеньков, вспоминая о своей службе у Аракчеева и не отделяя себя от Сперанского.

В последний раз Сперанский появляется в сериале во время встречи с Николаем. Он говорит новому императору о поколении, которое хочет изменить жизнь, но Николая подобные мысли не интересуют. Царь знает о связях Сперанского с Рылевым и привлекает его к участию в судебном процессе над декабристами; формально – чтобы обеспечить соблюдение закона, но на самом деле, дабы заставить его таким образом подтвердить лояльность, в которой Николай сомневается. Таким образом, дело не ограничивается тем, что диалог между государством и недовольными не задался, а между реформаторами и революционерами произошло размежевание: сами реформы под конец теряют всякую актуальность.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

«ЦЕРБЕР»: ВОЗМОЖЕН ЛИ БЛАГОРОДНЫЙ ДОНОСЧИК?

Тема порочности революций и революционеров имеет и обратную сторону: это оправдание тех, кто любыми средствами борется с бунтовщиками. Но в отношении декабристов здесь тоже все непросто. В 2023-м вышел минисериал «Цербер», посвященный последствиям восстания, а в следующем году был опубликован одноименный роман Александра Гоноровского и Ильи Егармина, на основе которого сериал снимался. Консультантом фильма выступила историк Ольга Эдельман, профессио-

нально занимающаяся декабристской проблематикой; она же написала и обширное послесловие к книге.

Ведущий персонаж сериала – Александр Бошняк, образованный человек, ботаник-любитель и одновременно шпион командующего военными поселениями на юге России графа Ивана Витта в рядах декабристов, который продолжает свою «информаторскую» деятельность и после подавления восстания. Кажется, впервые в российском кинематографе главным героем становится доносчик. Как в книге, так и в сериале Бошняк пытается быть лучше, чем в жизни. Среди прочего он «замолвил слово» за вымышленного наивного прапорщика Фабера, которого выпускают из крепости, – подобного альтруизма за ним ранее не наблюдалось (да и вряд ли участника восстания освободили бы по протекции доносчика). Но доброе дело ведет к тому, что Фабер дискредитирован в глазах товарищей – и, чтобы очистить свое имя, вызывает избавителя на дуэль. Конечно, Бошняк, которого отказавшийся от примирения прапорщик назвал подлецом, не промахивается. Тем самым попытка осведомителя проявить благородство ведет к катастрофе.

Бошняк в фильме предстает интеллектуалом, тонко ведущим расследование; однако в сохранившихся документах это ничем не подтверждается. Пушкина он не арестовывает, и это соответствует исторической правде. Но когда в ходе расследования он сталкивается с перспективой ареста своей любовницы, замешанной в заговоре, то убивает умного и симпатичного положительного персонажа – полицмейстера, добросовестно выполняющего свой долг (реальному Бошняку такое вряд ли пришло бы в голову). Тем самым «государственный человек» Бошняк сам становится жестоким убийцей. Бенкендорф, однако, отказывается отправить на каторгу рефлексирующего агента, ибо, по его словам, они сообща «вершат историю».

Вымышленная детективная линия сериала связана с судьбой капитана Ушакова, храброго офицера и талантливого поэта, из мести убивающего доносчиков на декабристов. И в книге, и в сериале опытный и компетентный полицейский Лавр Переходов, ведущий расследование, отпускает раненого на войне героя, который мстит персонажам, не вызывающим особого сочувствия. Вместе с тем декабристы в сериале и книге отнюдь не идеальны. Пестель наводит полицейских на вымышленного Ушакова (впрочем, он и в реальной жизни был откровенен сверх меры). А подпоручик Лихарев винится в том, что назвал на следствии имя Бошняка, не зная о его шпионстве (это вполне соответствует его показаниям)³³.

33 *Восстание декабристов: документы.* М.: Наука, 1969. Т. XII. С. 81–82.

Николай в сериале демонстрирует искусственность в поэзии, цитируя революционные стихи Рылеева, но тут же подчеркивает его фамилию в списке потенциальных смертников – осведомленный зритель понимает, что именно так и был вынесен приговор. Позже Николай мужественно общается с Ушаковым, который так и не решается стать цареубийцей (царь изображен еще и любящим отцом, что было бы немыслимо в советском фильме, – и именно отца капитан-заговорщик не решается убить на глазах у дочери). Впрочем, этот образ не так уж далек от того, как Николай изображен в «Звезде пленительного счастья»: достаточно вспомнить диалог императора и поручика Панова, ведшего лейб-гренадеров на Сенатскую площадь, – реальный Панов тоже не выстрелил, хотя и в совсем другой обстановке. Вместе с тем в «Звезде...» Николай, допрашивая декабристов, срывается на оскорбления, а в «Цербере» он уравновешен и спокоен, – но это две стороны одной личности, проявляющиеся в разных ситуациях. В книге же Гоноровского и Егармина Бошняк, глядя на царский портрет, «поймал себя на мысли, что начинает уставать от этого усатого лица с выпуклыми холодными глазами»³⁴ (здесь авторы опережают события, потому что усы Николай стал носить позже – в сериале, кстати, это учтено).

Книга и сериал заканчиваются одинаково – встречей Николая с Пушкиным, после которой поэт «спешит, бежит, летит, [...] на ходу расстегивая тесный сюртук»³⁵, с радостью покидая государя. Только в фильме царь вдобавок читает поэту свои вирши, а тот вежливо отказывается выступить в качестве соавтора, предусмотрительно держа дистанцию.

ПРОРОК: ПУШКИН VS БЕНКЕНДОРФ

Декабристская тема возникает и в фильме «Пророк. История Александра Пушкина», который вышел на экраны в феврале 2025 года. В числе его продюсеров можно обнаружить Никиту Михалкова, одного из идейных лидеров российского консерватизма, но фильм получился совсем не консервативным. Более того, он стал коммерчески успешным: при бюджете почти в 800 миллионов рублей, 500 миллионов из которых составила безвозвратная субсидия Фонда кино, картина заработала в прокате 1,63 миллиарда рублей³⁶, то есть вполне окупилась. Успех, вероятно, объясняется тем, что фильм оказался созвучным ожиданиям целевой молодежной аудитории: стилистически «Пророк» явился противоположностью «Союзу

34 Там же. С. 271.

35 Там же. С. 354.

36 *Пророк. История Александра Пушкина* (<https://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/111001825>).

спасения». Хрестоматийная биография Пушкина была представлена в виде мюзикла, оформленного в рэп-стилистике, сразу с двумя запоминающимися любовными линиями: главной (Пушкин и Наталья Гончарова) и второстепенной, но столь же яркой (Пушкин и Елизавета Воронцова).

Исторических консультантов у фильма не было, что неудивительно, так как интерпретации пушкинской биографии – и особенно сопутствующих событий – мало соответствовали канону. Но авторы к буквальному соответствию и не стремились. Декабристская тематика в картине периферийна, однако отсылки к ней играют немалую роль. Главным антагонистом Пушкина здесь выступает Бенкендорф, на которого Николай I перекладывает общение с поэтом. Изображенный в «Пророке» Бенкендорф необычен: это не реальный человек – боевой генерал и светский человек, – а зловещий символ тоталитарной деспотии. Первая его встреча с Пушкиным происходит в невероятной для российского XIX века обстановке – в кабинете, расположенном рядом с тюремным застенком. Шеф жандармов допрашивает юного Пушкина, будучи одетым в кожанку; он грозит поэту Сибирью. Благодаря заступничеству Василия Жуковского и княгини Авдотьи Голицыной Пушкин избегает каторги, но все же отправляется в южную ссылку. При этом в 1820 году, когда происходили изображаемые в фильме события, Бенкендорф вообще не имел отношения к сыску: он занимал пост начальника штаба гвардейского корпуса. Однако настоящий Бенкендорф создателей картины не занимает; для них важнее взаимоотношения общества и государства, представленные в максимально заостренном виде.

Декабристский сюжет непосредственно связан с обаятельным образом Ивана Пущина, пушкинского друга-лицеиста. Интересно, что, по версии сценаристов, на площади, где восставшие разворачивают свои порядки, царь не появляется вовсе. Есть солдаты, предводительствуемые Пущиным, а потом есть те же солдаты, но лежащие мертвыми на снегу. Во время восстания Бенкендорф помогает царю эвакуироваться в безопасное место (чего на самом деле не было), а после подавления мятежа сообщает монарху, что заговорщики арестованы, а Пушкин не меньше самих бунтовщиков виновен в «досадном инциденте». Так что Николай дегероизирован, пожалуй, еще в большей степени, чем в «Звезде пленительного счастья», где он лично противостоит восставшим. Этим фильм отличается и от «Союза спасения», и от «Цербера».

Вторая встреча Пушкина с Бенкендорфом происходит во время аудиенции поэта у Николая – той самой, которая была показана и в «Цербере». Но если в сериале сцена представлена вполне реалистично, то в «Пророке» после встречи почему-

то происходит теннисный матч, где царь и Пушкин вместе играют против Бенкендорфа и его напарника. Бенкендорф – теперь шеф жандармов, «главный по крамоле и поиску», как характеризует его царь, стремящийся обаять Пушкина. Однако само присутствие Бенкендорфа, запомнившегося зрителям по тюремной сцене, вызывает сомнения в искренности государя. Тем более, что, несмотря на игру в одной команде, царь отказывает Пушкину в помиловании декабристов, а дело Пущина обещает посмотреть с такой интонацией, что сразу становится ясно: пушкинскому другу свобода не светит.

Третья встреча главных героев оказывается последней и решающей. Бенкендорф, наконец, предстает перед зрителем в мундире и при орденах, а Пушкин стоит перед ним в роли просителя, которому перед женитьбой надо получить свидетельство о благонадежности. «И бросились писать “Во глубине сибирских руд” / Чтоб тут же декабристам посвятить сей дерзновенный труд!» – атакует поэта Бенкендорф, соединяя стиль XIX века с рэпом XXI-го. «Я посвятил его друзьям», – отвечает Пушкин, стремясь деполитизировать тему, но при этом не желая отречься ни от стихов, ни от декабристов. «Народ единым должен быть», – продолжает Бенкендорф речитатив, разъясняя свою позицию: «Вам это нелегко понять: / Моя задача – охранять / Людское хрупкое сознание / От сумбура мироздания!». В завершение же он напоминает стихотворцу, что свободолюбивому гению не следует забывать о всемогущем государстве: «“Я памятник себе воздвиг”... / Он может мной снесен быть вмиг».

ОБАЯНИЕ БУНТОВЩИКОВ

Таким образом, ни один из кинематографических проектов, появившихся в 2019–2025 годах, не создал однозначно негативных образов декабристов. Несмотря на то, что декабризм несовместим с преобладающим сегодня государственным трендом, участники движения в зеркале кино никак не выглядят злодеями. За ними признаются бесспорная искренность и определенная правота, а государственной власти, с которой они взаимодействуют в фильмах и сериалах, присуща не только своя правда, но и свои пороки. Неидеальные декабристы противостоят неидеальной власти – на безусловную правоту не может претендовать никто. Это, кстати, отличает декабристскую кинематографию от фильмов, посвященных началу XX века, в которых непоколебимая правота государственника Столыпина противопоставляется преступной неправоте разрушителей империи.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

Почему так происходит? Определенную роль играет обаяние декабристов, лишенных в абсолютном большинстве своем мрачного фанатизма, обычно свойственного заговорщикам. Даже Пестель – более сложная личность, чем просто бунтовщик: если присмотреться повнимательнее, то и ему не были чужды сомнения. Некоторые лидеры движения были героями войн – последующим поколениям революционеров подобное не было присуще. Молодые офицеры, задумывавшие переворот, привлекают искренностью и романтизмом, а возможная в результате их прихода к власти гражданская война так и осталась гипотетическим сценарием.

Ни один из кинематографических проектов, появившихся в 2019–2025 годах, не создал однозначно негативных образов декабристов.

Кроме того, декабристская повестка, несмотря на революционные методы, была реформаторской, а все их основные требования – от освобождения крестьян до равенства граждан перед законом – позже были реализованы самим государством, пусть даже поздно и непоследовательно. Разрушать систему до основания декабристы не собирались. А николаевское государство, поначалу выглядевшее вполне эффективным («Он бодро, честно правит нами; / Россию вдруг он оживил / Войной, надеждами, трудами», – писал Пушкин о Николае в 1828 году), оказалось из-за постоянного откладывания реформ в глубочайшем кризисе, обернувшемся катастрофой Крымской войны.

Немалую роль играет и еще одно обстоятельство: на стороне декабристов в 1825 году был Пушкин, «наше все», «солнце русской поэзии», основатель современной русской литературы. При всей эволюции его взглядов в отношении Николая и при всех различиях между ранним и поздним Пушкиным поэт никогда не отказывался от своих друзей. У последующих революционеров не было столь мощного исторического защитника. И хотя Лев Толстой и Владимир Соловьев призывали помиловать народовольцев, убивших Александра II, их невозможно представить рядом с бомбистами на набережной Екатерининского канала – тогда как Пушкин сам признавался Николаю, что если бы мог, то вышел бы 14 декабря на Сенатскую площадь. Но если декабристы злодеи, то и Пушкин, получается, гений, не лишенный злодейства. И здесь у немалой части государственной аудиторией начинается когнитивный диссонанс.